

АРМИЯ И ГОРОД. ОПЫТ СОЦИО-КУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

И. И. Травин

Армия, военные играли в жизни дореволюционного Петербурга заметную роль; пожалуй, трудно найти такую сферу жизни столицы, которая не была бы связана с армией. Взаимосвязи армии и города позволяют лучше увидеть специфические черты и явления как самого Петербурга, так и российского города вообще. Автор показывает, что только опираясь на лучшие традиции российской армии, армия сегодняшняя может стать здоровой и необходимой частью общества, а не стоящей вне его "силовой структурой".

1

Накануне первой мировой войны, то ли в 1912, то ли в 1913 г. — в разных изданиях указаны разные даты — О. Э. Мандельштам написал изящное рондо, получившее название по первой своей строфе:

Поедем в Царское Село!
Свободны, ветряны и пьяны
Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...
Поедем в Царское Село!

Стихотворение это послужило поводом для различного рода суждений и замечаний. В первой редакции цензура заменила слова "пьяны" на "рьяны" из соображений нравственно-патриотических. А. А. Ахматова и известный искусствовед Э. Голлербах указали на то обстоятельство, что О. Э. Мандельштам позволил себе некоторую вольность, поместив на царскосельские улицы уланы. Любой петербуржец, а уж житель Царского Села и подавно, прекрасно знал, что, во-первых, гвардейский уланский полк квартировал в Петергофе, и, во-вторых, если уж кто из гвардейских кавалеристов мог служить символом Царского Села, то это, несомненно лейб-гусары, которых и именовали зачастую царскосельскими. А. А. Ахматова высказывалась в том смысле, что О. Э. Мандельштам иногда готов пожертвовать точностью факта ради образа. Замечание Э. Голлербаха носило тоже достаточно снисходительный характер: "Пусть уланы, о которых говорит... поэт, никогда не стояли в Царском Селе... — дело не в них, а в том парадно-гвардейском колорите, который так ярко окрашивал в былое время этот город" (1).

Тем не менее О. Э. Мандельштам решил восстановить справедливость и переписал первую строфу: так появилась вторая редакция, тоже достаточно часто публикуемая:

Поедем в Царское Село!
Там улыбаются мещанки
Когда гусары после пьянки
Садятся в крепкое седло.
Поедем в Царское Село!

Описание этого литературного эпизода понадобилось нам для того, чтобы продемонстрировать, насколько глубоко реалии военной жизни императорского Петербурга проникали в самые различные слои общества, в том числе и достаточно далекие от придворной жизни. В самом деле, трудно представить себе людей более далеких от этого мира, нежели поэты Серебряного века! И тем не менее, два достаточно эзотерических русских поэта демонстрируют вполне серьезное отношение к возможности и правомерности употребления в том или ином ПОЭТИЧЕСКОМ контексте названия того или иного кавалерийского полка.

Автор заранее готов к возражению — “А как же Пушкин!? Ведь именно ему принадлежит одно из самых точных и емких определений Петербурга — “военная столица”! Но не следует забывать, что А. С. Пушкин с российской армией был связан теснейшим образом — происхождением, родством, свойством, дружескими узами, биографией. Достаточно вспомнить путешествие в Арзрум, сделанное поэтом в колоннах действующей армии, Даже Н. В. Гоголь-бытоописатель Петербурга — постоянно выводит в качестве действующих лиц офицеров — отставных и строевых: и в “Невском проспекте”, и в совершенно бытовой комедии “Женитьба”. Можно сказать, что, практически, не было исторического периода, не было литературного явления, родившегося на петербургской почве, в котором не нашли бы отражение — хоть в самой малой степени, хоть намеком — штрихи быта и персонажи, населявшие “военную столицу”. Нет нужды множить литературные примеры — их найдется достаточно в поэзии, в прозе, в драматургии. Можно лишь сказать, что если какое-то явление обретает статус литературного факта, становится актом творческого сознания, значит в обыденной жизни оно занимает значимое место, достаточно сильно и постоянно воздействует на сознание уже не творческой личности, а просто жителя города, или — как в приведенном случае с Царским Селом — ближнего пригорода.

2

Возникает, в этой связи, надобность проделать две исходно-необходимые процедуры. Во-первых, следует определить, так сказать, морфологию рассматриваемого явления — армия в городе — его пространственные и количественные элементы и масштабы. Во-вторых, следует выделить некоторые сферы городской жизни, которые непосредственно или косвенно испытывали воздействие армии. Последнее представляется достаточно сложным, поскольку в Петербурге трудно найти какую-то сферу жизни города, которая не была бы связана с армией.

Первая задача облегчается тем, что вплоть до начала первой мировой войны, подробнейшие сведения о военных учреждениях, численности и структуре петербургского гарнизона можно обнаружить в самом доступном и распространенном издании — справочной книге “Весь Петербург”: мы пользо-

вались изданием 1913-го предвоенного года. Чтобы представить себе степень подробности сведений, достаточно сказать, что в справочнике, помимо адресов, телефонов военных учреждений и строевых частей, перечислены фамилии всех должностных лиц до командиров рот, эскадронов и батарей включительно. Во всяком случае, шпиономания, похоже, не была характерной чертой российского сознания вплоть до начала войны. Можно сказать, гарнизон города жил и функционировал в условиях достаточно высокого уровня публичности и, уж во всяком случае, вплоть до начала первой мировой войны вовсе не был окружен ореолом гнетущей и мрачной секретности, как это было в советское время.

По переписи 1897 г. население Петербурга насчитывало 1.132,7 тыс. человек. В статистическом очерке, предваряющем справочник "Весь Петербург" за 1907 г., приводится следующая численность военнослужащих: офицеры—3.145, нижние чины — 31.026, то есть около 3% от всей численности населения города. Следует добавить, что представители военного сословия, куда помимо строевых солдат и офицеров (по переписи 1869 г.), включались также нестроевые, бессрочно-отпускные, отставные, а так же члены их семей, составляли гораздо более многочисленную группу горожан, насчитывающую 132,1 тыс. человек (19,8%). Все тогдашнее население города насчитывало 667,2 тыс. человек (2). В дальнейших рассуждениях нас, естественно, будет интересовать часть военного населения города, находящаяся на действительной службе, однако, приведенные данные весьма красноречивы. С ростом численности населения города удельный вес обеих частей военного населения постепенно снижался, оставаясь тем не менее достаточно значимым.

В этой связи нам представляется важным и необходимым хотя бы в краткой, инвентарно-перечислительной форме воспроизвести институциональную структуру той части российской армии и связанных с нею учреждений, которые размещены были на территории Петербурга и его ближайших окрестностей — главным образом дворцовых пригородов: Царского Села, Павловска, Петергофа, Гатчины. Если представить эту структуру в виде некоторой субординированной иерархии, то она будет иметь следующий вид.

Военно-административные учреждения. К их числу в первую очередь относятся Военное министерство (дворец кн. Лобановых-Ростовских на Адмиралтейском проспекте), Генеральный штаб и Штаб Гвардейского корпуса (Дворцовая площадь), Морское министерство (Адмиралтейство) и многочисленные, разбросанные по всему городу Главные управления родов войск и другие войсковые административные учреждения. Сюда же следует отнести и военно-судебные учреждения: Главный военный суд занимал целый квартал между набережной реки Мойки и Театральной площадью. Аналогичные военно-морские учреждения и службы размещались в основном в здании Адмиралтейства.

Военно-учебные заведения. В Петербурге было расположено около 25 учебных заведений всех уровней и специализаций. Систему начального военного образования в начале XX в. составляли шесть корпусов — Пажеский (ул. Садовая, д. 26), старейший 1-й и 2-й кадетские корпуса (Васильевский остров, Университетская наб., д. 15 и Ждановская наб., д. 11-13), им. Александра II (Садовая ул., д. 10), Николаевский (Офицерская ул., д. 23) и младшие классы Морского корпуса (Васильевский остров, Николаевская наб., д. 17) (3).

Подготовку офицерских кадров для армии, гвардии и флота осуществляли старшие классы Пажеского и Морского корпусов и юнкерские училища: пехотные — Павловское и Владимирское (П. С., Большая Спасская ул., д. 21 и Большая Гребецкая ул., д. 18), артиллерийские — Михайловское и Константиновское (Арсенальная наб. д. 17 и Забалканский пр., д. 17), Николаевское кавалерийское (Ново-Петергофский пр., д. 24 — у Обводного канала) и Николаевское инженерное (Инженерный замок). Сразу же следует сказать, что ныне в подавляющем большинстве этих зданий также размещаются военно-учебные заведения различных уровней. Наконец, верхний уровень системы военного образования составляли семь академий: Николаевская императорская Военная академия (академия Генерального штаба — Суворовский пр., д. 32), Михайловская артиллерийская академия (Арсенальная наб., д. 17), Николаевская инженерная (Садовая ул., д. 4), Николаевская Морская академия (Васильевский остров, 11-я линия), Александровская юридическая академия (наб. р. Мойки, д. 96), Интедантская академия (наб. р. Мойки, д. 98) и Военно-медицинская академия, комплекс зданий которой и донныне занимает значительную территорию на Выборгской стороне у Финляндского вокзала.

Кроме того, в городе и пригородах располагались учебные заведения, предназначенные для переподготовки офицерских кадров: в их числе Кавалерийская офицерская школа (Шпалерная ул., д. 53), Офицерская воздухоплавательная школа (Волково поле) и ряд других. Сюда же следует причислить и различные специализированные училища и школы: типографское, фельдшерское, электро-техническое, а также флотские учебные отряды.

Основная и самая многочисленная часть гарнизона города состояла, естественно, из строевых частей императорской гвардии и армии. На территории Петербурга и Петербургской губернии были расквартированы части Гвардейского и 1-го армейского корпусов, в городе размещались также различные учреждения и части военно-морского флота, а Кронштадт был основной базой Балтийского флота.

Перед началом войны в состав Гвардейского корпуса (ГК) входили две пехотные и две кавалерийские — тяжелая и легкая — дивизии, стрелковая бригада, две артиллерийских бригады, конно-артиллерийская бригада, саперный батальон. В городе был также расквартирован Морской Гвардейский Экипаж. Из частей первого корпуса на территории города располагался только Новочеркасский полк (Малая Охта).

Большая часть гвардейской пехоты — девять полков из двенадцати, вся гвардейская артиллерия и саперы располагались непосредственно в городе. Основная часть гвардейской кавалерии — все четыре полка легкой дивизии и два кирасирских полка — квартировали в пригородах: в Царском Селе (гусарский, кирасирский и стрелковый полки), Петергофе (уланский, драгунский и конногренадерский полки) и Гатчине (кирасирский полк). На территории города размещались и все три казачьих полка, входившие в ГК.

В условиях столь высокой концентрации войск значительное место в городе занимали и различного рода вспомогательные учреждения. К их числу, в первую очередь, следует отнести военно-медицинские. Помимо полковых лазаретов, в городе был расположен ряд крупнейших госпиталей — старейший в России петровский Военно-морской госпиталь (наб. Р. Фонтанки, д. 167), клинический госпиталь (Пироговская наб., д. 3), служивший базой ВМА, Николаевский госпиталь (Суворовский пр., д. 63), до сих пор остающийся одним из крупнейших российских военных госпиталей.

Совершенно особую и своеобразную роль в жизни города играли военные соборы и церкви. Армии и флоту в Петербурге принадлежало шесть соборных церквей — все они, практически, были общедоступными, а соборный статус храма, зачастую, определялся тем обстоятельством, что в храме располагалась кафедра первосвященника того или иного рода войск. В Николо-Богоявленском военно-морском соборе находилась кафедра протопресвитера Балтийского флота, статус общегвардейского храма носил Собор Преображения Господня Всея гвардии; аналогичную роль выполнял св. Сергия Радонежского собор Всея Артиллерии (4).

Следует заметить, что в системе жизнеобеспечения военного населения немаловажную роль играли и различные элементы социально-бытовой инфраструктуры. Мемуарные источники дают достаточно полную и интересную картину того, сколько людей различных профессий — портных, сапожников, ремесленников — было непосредственно занято в городе пошивом форменной одежды, изготовлением элементов экипировки и снаряжения, которые приобретались офицерами, как правило, за собственный счет. Поскольку расходы были достаточно велики, офицеры прибегали к посредничеству различных учреждений и мастерских Гвардейского экономического общества (ГЭО). До настоящего времени сохранилось и успешно функционирует монументальное здание универсального магазина ГЭО (ныне ДЛТ). К элементам инфраструктуры следует отнести и складские комплексы, артиллерийские парки, наконец, полковые огороды, размещавшиеся, в основном, на южных окраинах города (5).

Наконец, следует упомянуть и такую специфическую форму деятельности армии, как издание печатной продукции, включавшей не только служебные материалы. Военное и военно-морское министерства издавали ряд журналов, вели работу по подготовке фундаментальных энциклопедий. Мемуаристы непременно вспоминают, что при вступлении в полк на первую офицерскую должность молодой поручик или корнет обязательно приобретал историю своего полка, как правило, богато изданную и хорошо иллюстрированную, тем более, что история старейших гвардейских полков — Преображенского, Семеновского, Кавалергардского, Конногвардейского — к началу XX в. исчислялась уже не десятками, а сотнями лет.

Таким образом, мы можем представить себе достаточно впечатляющую картину многочисленного, авторитетного и деятельного сообщества, каким являлось военное население города. Сообщество это включало в свой состав все возрастные ступени: детей-кадетов, юношей-юнкеров, молодых офицеров и солдат, людей зрелого возраста — старослужащих всех рангов, наконец, стариков-ветеранов, вышедших в отставку и доживающих свой век в городе.

Естественно, самая динамичная его часть — солдаты, постоянно менялась и обновлялась. В целом же такая многочисленная группа мужского населения города оказывала воздействие на его повседневную жизнь и своей непосредственной деятельностью, и через семейные связи.

3

В этой связи, нам представляется необходимым выделить лишь некоторые сферы жизни Петербурга, которые — на наш взгляд — достаточно ярко могут, во-первых, проиллюстрировать положенную нами в основу связь “армия

и город”, и, во-вторых, в рамках этой связи рассмотреть некоторые специфические черты и явления жизни именно Петербурга и российского города вообще. Предметом наших рассуждений будут четыре группы явлений различной природы и содержания. Мы намерены рассмотреть меру и степень воздействия армии на пространственно-планировочную структуру города, роль армии в формировании городской культуры, частную, но представляющую интересную проблему воздействия армии на конфессиональную жизнь города и, наконец, роль армии в семантизации городского пространства.

Первый цикл наших рассуждений будет касаться градообразующей роли армии в истории развития Петербурга и российских городов. Исторический период, который мы намерены рассмотреть, адекватен истории Петербурга, то есть составляет приблизительно 300 лет. Наиболее активная его фаза начинается во времена Екатерины II и связана с ее городскими реформами и гигантскими по масштабам работами по составлению генеральных планов российских городов (6).

Однако, как “военная столица” Петербург начинает складываться именно в петровские времена. Существуют две традиционные модели формирования городов — доиндустриальная и индустриальная. В первом случае — вплоть до XVIII в. — одним из основополагающих моментов является положение города по отношению к торговым путям: “торговля — мать городов”. В более поздние периоды “матерью городов” становится промышленность. Петербург изначально развивался по несколько иному пути. Его приморское положение, естественно, создавало предпосылки для развития торговли и нельзя сказать, что торговые функции были нехарактерны для города, однако они никогда не носили приоритетного, градоформирующего характера. Промышленность города также начала формироваться на первых же этапах его становления. Однако, преимущественное развитие получили отрасли, непосредственно связанные с военно-оборонительной функцией города — “отсель грозить мы будем шведу”.

В условиях, когда исход Северной войны был далеко не ясен, Петр стремился создать на берегах Невы мощную базу поддержки армии и флота. Первые предприятия города — Адмиралтейские верфи, Литейный двор и Арсенал, Сестрорецкий и Ижорский оружейные заводы, “Зеленый” (пороховой) завод на Петроградской стороне — в определенном смысле заложили основу ВПК.

В первой половине XVIII в. сформировался и пояс полковых слобод, “окольцевавший” жилое и административное ядро города. С юга этот пояс располагался за Фонтанкой — там и поныне сохранились казарменные комплексы Измайловского, Егерского и Семеновского полков, комплекс казарм Преображенского полка близ Смольной слободы, комплекс артиллерийских казарм, примыкавших к Литейному проспекту в непосредственной близости от старого Литейного двора и Арсенала. Доныне сохранилось просторечное название “Семенцы”, фиксирующее местоположение слободы Семеновского полка, застроенное на рубеже XIX-XX вв. доходными домами. На севере слободы окаймляли берега Б. Невки на Петроградской стороне, на западе Васильевского острова располагались в непосредственной близости от морского побережья. Впоследствии — на рубеже XVIII-XIX вв. — в период бурного “казенного” строительства на месте слобод возникли капитальные каменные благоустроенные казарменные городки, а освободившиеся излишки площади постепенно застраивались.

Роль имперской столицы потребовала одновременного строительства масштабных, репрезентативных царских резиденций и зданий правительственных учреждений, предназначенных для размещения многочисленного и постоянно разраставшегося чиновничьего аппарата. Еще раз обратимся к цитированному уже стихотворению О. Э. Мандельштама, только к другой его строфе:

Казармы, парки и дворцы,
А на деревьях клочья ваты,
И грянут "здравия" раскаты
На крик "здоровы, молодцы!"
Казармы, парки и дворцы.

Написано это о Царском Селе, но в полной мере приложимо к той части Петербурга, которая вытянулась с северо-востока на юго-запад от Летнего сада до Новой Голландии между Невой и Мойкой. Именно здесь расположено ожерелье самых знаменитых петербургских площадей — Марсово поле и Суворовская-Дворцовая-Сенатская, Исаакиевская и Мариинская, и менее известная Благовещенская (ныне пл. Труда). Парков, правда, на этой территории нет — есть зато три сада, не менее известных, чем площади: Летний, Михайловский, Александровский (у Адмиралтейства) и Конногвардейский бульвар. Дворцы же — в том числе Летний, Мраморный, Зимний, кн. Лобановых-Ростовских, Мариинский, Николаевский, наконец, постройки, вытянувшиеся на целый километр вдоль Дворцовой набережной, едва ли не основной тип гражданских сооружений на этом участке. В единый градостроительный комплекс совершенно логично и непротиворечиво входят казармы — Павловского полка на Марсовом поле, функции которого определены его названием, одного из батальонов Преображенского полка, несшего охрану Зимнего дворца, на углу Миллионной и Зимней канавки и Конногвардейского полка между одноименным бульваром и Мойкой. В этот же ансамбль включены самые знаменитые сооружения военного назначения — здания Главного штаба и Адмиралтейства. На этом участке расположены важнейшие административные учреждения империи — министерство иностранных дел (восточное крыло здания Главного штаба), министерство финансов (угол Дворцовой пл. и Невского пр.), Государственный Совет (Мариинский дворец), министерство государственных имуществ, Сенат и Синод, министерство почт (гл. Почтамт). Наконец, в этой части города располагались "посольства полумира".

Этот градостроительный комплекс типичен для доиндустриального Петербурга: административные учреждения — здания военного назначения — резиденции двора и знатных дворянских семей. Таким образом, приоритетную роль в развитии Петербурга играли отнюдь не традиционные факторы — торговля и промышленность, а специфический имперский военно-административный комплекс. Именно военно-административный комплекс был основной градообразующей базой Петербурга на протяжении столетий — до начала индустриализации во второй половине XIX в.

Если же мы посмотрим теперь на остальную территорию города, то легко заметим, какие значительные пространства отданы под казарменные городки гвардейских частей. Это естественно — для нормального функционирования воинской части необходим достаточно просторный участок земли и целый набор функциональных сооружений: казармы, манеж, штаб и офицерское со-

брание, лазарет, полковой храм, склады, цейхгаузы, конюшни, просторный плац. Здесь счет уже идет не на десятины, а на квадратные версты — от трети до половины квадратной версты занимают три самых больших плаца и прилегающие к ним казарменные городки: Семеновский, Преображенский и Александровский, примыкающий на юге к Обводному каналу, на востоке — к Александро-Невской лавре. Александровский плац принадлежал гвардейским Казачьим полкам, казармы которых вытянулись вдоль Обводного канала.

Как правило, комплексы зданий объединялись в компактные зоны, занимавшие несколько городских кварталов. В самом центре города — в начале Садовой улицы, от Мойки до Итальянской улицы с севера на юг располагались военно-инженерные учреждения: главное управление, академия, училище (в Михайловском замке). На этой же территории находились самый большой в городе Михайловский манеж, Кадетский корпус и казармы сводного Казачьего полка (на Караванной ул.). За Фонтанкой, к востоку в Литейной части между Литейным проспектом и Знаменской улицей размещались части гвардейской артиллерии и саперы. Такой же анклав — но только уже из военно-учебных заведений — сложился на Петроградской стороне вдоль реки Ждановки. Там расположились Второй кадетский корпус, Павловское и Владимирское пехотные училища, Топографическое училище. Все военно-морские учебные заведения занимали целый квартал на Васильевском острове между одиннадцатой и двенадцатой линиями фронтом на Неву. Несколько учебных заведений — Михайловская артиллерийская академия и училище, Военно-медицинская академия, а также Клинический госпиталь образовали единый комплекс на Выборгской стороне близ Финляндского вокзала.

При этом следует учитывать, что подавляющее большинство перечисленных частей и учреждений располагалось в центральной части города, где земля была достаточно дорога. Недаром впоследствии крупные индустриальные комплексы — Обуховский, Семянниковский, Путиловский заводы, предприятия Нобеля, Сименса, Эриксона начали застраиваться на дальней периферии города, “на огородах”, поскольку земельные участки там стоили значительно дешевле. Отчуждение огромных городских пространств, да еще в центральной зоне города могло осуществляться только в условиях полномочия самодержавного государства.

Следует заметить, что подобная ситуация была характерна не только для Петербурга. В результате целенаправленной политики в области реконструкции губернских городов Российской империи, начатой во времена Екатерины II, сложился своеобразный стандарт, по которому формировались центры городов. В обязательный набор казенных зданий входили собор, резиденция губернаторов, здания присутственных мест, дворянские собрания, гимназия и, обязательно, сооружения военного назначения — либо казарменный комплекс, либо здание гауптвахты, либо здание офицерского собрания, реже — кадетского корпуса. Это в равной мере касалось не только городов центральной России — в Хельсинки, например, до сих пор сохранился комплекс имперских зданий, включающий собор, резиденции, здания университета и, естественно, гауптвахту, выстроенных в лучших традициях позднего ампира.

Не составляет исключения и первопрестольная столица. Разница состоит лишь в том, что в Петербурге топонимика отражала реалии “военной столицы” — в названиях проспектов, улиц, площадей, городских кварталов за-

креплялись наименования полков, родов войск и т. п. В Москве же наоборот, комплексы военных сооружений, в основном строившиеся после пожара 1812 г., как правило, получили традиционные топонимические наименования — Хамовнические, Покровские, Спасские, Лефортовские казармы. Исключение составляют Фанагорийские казармы в Немецкой слободе, сохранившие названия старого суворовского полка. Что касается масштабов застройки, то они нисколько не уступали петербургским. Достаточно вспомнить Манеж размером в целый квартал, “врезанный” О. И. Бове в сложившуюся структуру центра города или Провиантские склады В. П. Стасова на Крымском валу. Впечатляющие масштабы имеет и комплекс в Лефортове, вытянувшийся вдоль левого берега Яузы с северо-востока на юго-запад на два километра. Сверху по реке расположен Главный военный госпиталь, южнее кадетский корпус, Лефортовские и Красные казармы; в состав комплекса входит даже собственный парк. В этом комплексе ныне расположена бронетанковая академия (в здании Кадетского корпуса), а в казармах по-прежнему расквартированы воинские части. Можно с определенной долей уверенности говорить о том, что как правило, губернский российский город, а тем паче столица империи, включали в свою структуру как неотъемлемую компоненту комплексы зданий и сооружений военного назначения.

Рано или поздно подобная “земельная расточительность” должна была прийти в противоречие с реальными потребностями развития города. На первом этапе — на рубеже XVIII-XIX вв., а в основном после Отечественной войны 1812 г. — в результате строительства казарменных городков, освобождались значительные площади, ранее входившие в состав полковых слобод. Освободившиеся территории интенсивно застраивались, особенно на рубеже XIX-XX вв. Типический образец этой застройки в Санкт-Петербурге — кварталы по обе стороны Измайловского проспекта, вписавшиеся в старую слободскую уличную сетку, до революции сохранявшую старые названия Роты Измайловского полка (от 1-й до 12-й, ныне Красноармейские улицы) и уже упоминавшиеся Семенцы: кварталы к востоку от Московского проспекта между Загородным проспектом и Обводным каналом. Первоначально в этих кварталах жили семьи военнослужащих — служивших и отставных. В дальнейшем, по мере уплотнения застройки, увеличения численности населения, социальный состав жителей этих кварталов, естественно, менялся.

Во второй половине XIX в. и позднее наступила очередь и непосредственно территорий полковых плацов. Часть Семеновского плаца занял городской ипподром, несколько ранее, в 30-е гг. XIX в. часть территории полка была отдана для строительства вокзала и начальной части первой российской железной дороги — Царскосельской. Различные участки Преображенского плаца так же были застроены: на Кирочной были сооружены комплекс больничных зданий Клинического института, здание музея А. В. Суворова, на Суворовском проспекте — здание Академии Генерального Штаба. По западной части Александровского плаца была проложена Николаевская железная дорога, в северной части сооружены здания больницы (ныне Боткинской), а вдоль реки Монастырки были выстроены корпуса электростанции, обслуживавшей городские трамвайные линии. Таким образом, территории воинских частей служили своеобразным “земельным резервом” города. Однако, отчуждение этих территорий для городских нужд могло происходить, по-видимому, только с “высочайшего разрешения”, каковое, тем не менее, при необходимости могло быть получено. В нынешнее время такое

решение оказывается практически неосуществимым: готовый новый путепровод через Финскую железную дорогу, существенно сокращающий расстояние между двумя районами города, уперся в территорию воинской части, и до сих пор не введен в эксплуатацию. Получить кусок территории, принадлежавшей старому и прославленному полку императорской гвардии, было проще, чем договориться с безликим командованием безымянной номерной части.

Следует, на наш взгляд, обязательно обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Казармы, манежи, военные храмы вошли неотъемлемой частью в историческую среду города еще и в силу того обстоятельства, что в сооружении их принимала участие целая плеяда блистательных петербургских зодчих: С. Чевакинский, К. Росси, А. Захаров, Д. Кваренги, Л. Руска, В. Стасов. Стоит напомнить, что непосредственно к этому кругу памятников архитектуры примыкают и сооружения военно-мемориального характера: Казанский собор (А. Воронихин), Александровская колонна (О. Монферран), Сампсониевский собор, памятники российским полководцам Петру I, П. А. Румянцеву, А. В. Суворову, М. И. Кутузову, Н. Б. Барклаю-де-Толли. Можно сказать, что своим архитектурным обликом, чертами которого стали масштабность, линейность и симметрия, протяженность фасадов и глубина перспектив, мощь объемов и изящество декора, Петербург в немалой степени обязан и военным сооружениям. Достаточно вспомнить такие ключевые детали как шпили Адмиралтейства и Петропавловской крепости, арки Главного штаба и Новой Голландии, многоколонные портики, регулярные фасады многоэтажной протяженности казарменных корпусов и манежей, такие могучие объемные и высотные доминанты, как купола Николо-Морского, Преображенского, Троицкого соборов. Барокко, ранняя классика, ампи́р — таков стилистический диапазон этих сооружений, в которых использована достаточно сложная гамма выразительных средств: от богатого скульптурного декора до строгих, лапидарных форм простых краснокирпичных корпусов.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в процесс формирования российских городов, их архитектурного облика русская армия вносила достаточно значимый и весомый вклад. Одновременно, актуальным до настоящего времени представляется то обстоятельство, что в структуре населения большинства городов и до революции, и ныне военные составляли и составляют значительную его часть. До настоящего времени в открытой статистике невозможно найти данные о нынешней численности военного населения города, однако, косвенные данные имеются. По данным петербургского социолога Л. Е. Кесельмана, на протяжении последних лет регулярно проводящего зондажи общественного мнения по различным проблемам, "силовые ведомства" (армия, милиция) представлены в выборках в объеме 3% с небольшим отклонениями. При этом следует учесть, что солдаты в эти выборки не включаются. Похоже, что эти 3% являются своеобразной константой, характеризующей устойчиво сохраняющуюся долю военного населения Петербурга.

Особую роль играли армия, военные люди в формировании "культурного пространства" Петербурга, внося в него собственные, неповторимые черты. Трюизмом стало перечисление деятелей российской культуры, связанных с армией, гвардией, флотом. Проще сказать, что не было области культурной деятельности, будь то литература, музыка, живопись, наука, образование, где бы на видных ролях не подвизались военные люди. Достаточно привести один пример — "Могучую кучку". Кавалерийским офицером был М. П. Му-

соргский, флотским лейтенантом — Н. А. Римский-Корсаков, принадлежавший к семье, давшей России несколько поколений военачальников и адмиралов, военный инженер Ц. Кюи, к концу жизни ставший генералом, жизнь профессора Н. П. Бородина была связана с Военно-медицинской академией.

В Петербурге существует весьма своеобразный комплекс, который, наверное, никогда не показывают туристам и о существовании которого далеко не всегда знают жители города. Расположен он на Лермонтовском проспекте (быв. Н.-Петергофском) и состоит из трех памятников — расположенной в центре скульптуры М. Ю. Лермонтова и бюстов М. П. Мусоргского и П. П. Семенова-Тяншанского. Поэт, композитор и ученый, путешественник, государственный деятель — их произведения и деяния перечислены на тыльной стороне постаментов. А на лицевой — годы жизни и год и номер выпуска Николаевского кавалерийского училища, юнкерами которого в разное время они были. И сооружены памятники в начале века на средства, собранные юнкерами и офицерами училища. Помимо личных вложений, юнкера провели в манеже несколько платных конно-спортивных представлений, сборы от которых пополнили фонд. Петербуржцы охотно откликнулись на инициативу кавалеристов, зачастую платя за входные билеты сумму выше их номинальной стоимости — полтинника, поскольку цель сбора была объявлена заранее (7). Этот короткий экскурс в области краеведения Петербурга понадобился нам для того, чтобы на подобном ярком примере попытаться продемонстрировать неразрывность связей между двумя сторонами жизни города: военной и культурной.

Говоря об этой взаимосвязи, целесообразно рассмотреть два возможных аспекта ее проявления. Первый связан с петербургской культурой в целом и здесь интересна мера, степень и формы участия военных в культурных событиях и процессах. Второй аспект отражает непосредственный вклад армии в городскую культуру, элементами которой становились события повседневного военного быта — например, воинские ритуалы. В любом из этих аспектов, в свою очередь, присутствуют люди, осуществляющие ту или иную форму деятельности, функционируют различного рода институты и, наконец, происходят какие-то события. В этой логике: люди — институты — события — мы и попробуем рассмотреть роль и место армии в структуре городской культуры.

Если говорить о людях — деятелях культуры, науки, образования — в разное время разными способами связанных с армией, то только перечень имен, областей деятельности и заслуг занял бы многие страницы. Ограничимся поэтому несколькими примерами. Выше мы говорили уже о “Могучей кучке”, усилиями которой в немалой мере был сформирован авторитет российской композиторской школы. Но, пожалуй, самый большой вклад на протяжении двух веков внесен российскими военными в литературу: почти случайно составленный ряд имен — А. П. Сумароков, Г. Р. Державин, В. В. Капнист, К. Н. Батюшков, Д. В. Давыдов, М. Ю. Лермонтов, А. А. Бестужев-Марлинский, К. М. Станюкович, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. И. Куприн. Офицерами были живописец П. А. Федотов и скульптор П. К. Клодт, создатель конных групп на Аничковом мосту и конного памятника Николаю I на Мариинской площади. Можно без конца перечислять целые плеяды блестящих медиков, естествоиспытателей, инженеров, изобретателей, вышедших из армейских и флотских рядов.

Мы в этом случае должны говорить не о конкретных людях, сколько бы ни было велико их число и как бы ни были значимы их заслуги и творения, а о явлении. Суть же явления заключается в том, что и армия как таковая, и

180

военно-учебные заведения пополняли образованные слои российского общества людьми высокой культуры, обладавшими глубокими и фундаментальными знаниями в избранной области и уж, как правило, талантливыми. Дело в том, что система военного образования формировалась с опережением по отношению к системе образования общего — Морской, Кадетский (первоначально Сухопутный шляхетский) и Пажеский корпуса появились в XVIII в., став одними из первых светских учебных заведений в России. Основные же специализированные учебные заведения — Медико-хирургическая академия (впоследствии Военно-медицинская), институты Инженеров путей сообщения, Лесной и Межевой, Гражданских инженеров, Технологический и другие — создавались на протяжении всего XIX в. Русский образованный человек в первой половине XIX в. скорее мог оказаться в прошлом кадетом, гардемаринном, юнкером или строевым офицером, нежели студентом университета, по причине сравнительной малочисленности последних. Вторая половина XIX в. дает уже другую картину, хотя в целом офицерский корпус по численности превосходил еще корпус инженерный. Специалисты же технических родов войск — артиллеристы и военные инженеры, традиционно причисляемые к армейской интеллигенции, обладали высоким авторитетом, независимо от того, где они подвизались — в армии или промышленности. Естественно, что подавляющее большинство эти людей были выходцами из дворянских семей, хотя именно армия давала возможности для продвижения на достаточно высокие уровни выходцам из иных сословий. Три поколения генералов Скобелевых — дед Иван Никитич, герой Отечественной войны, шпагой добывший дворянство, отец Дмитрий Иванович и самый знаменитый в семье Михаил Дмитриевич — были потомками крестьянина-однодворца. Накануне Первой мировой войны уже 14% русских генералов были выходцами из податных сословий (8). Однако, в последнем случае такая карьера требовала серьезной подготовки, поскольку для сдачи экзаменов на первый офицерский чин необходимо было иметь знания в объеме программы военного училища. Этот экскурс потребовался нам для того, чтобы показать, что в армии процесс формирования офицерского корпуса был достаточно жестко связан с высоким образовательным цензом. Можно было выслужиться из солдат, но экзамены были необходимым условием. А. Куприну знаний, полученных в Кадетском корпусе, Александровском пехотном училище и на военной службе, хватило и на то, чтобы стать одним из самых интересных писателей российских, и на то, чтобы написать “Поединок”, перевернувший представления общества об армии.

Естественно, что писатель, творческая личность — всегда исключение. Повседневная жизнь офицеров в гарнизоне не давала большого разнообразия во времяпровождении — читайте “Поединок”. В столичной гвардии далеко не все и не всегда блистали высокой образованностью и утонченным воспитанием. “Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова” (9) — и выше строкой, в эпиграфе мы читаем: “Так в ненастные дни занимались они делом”. Однако, зачастую столица ставила гвардейского офицера в условия, когда светские обязанности требовали обязательного наличия культурных навыков, воспитания. А. А. Игнатьев вспоминает, что немалый расход в бюджете гвардейского офицера составляло приобретение билетов в театр — в опере офицерам кавалергардского полка не рекомендовалось сидеть далее седьмого ряда. Суть даже не в ряду, а в том, что вообще существовала своеобразная культурная норма — посещение театра как бы предполагалось само

собой. Кроме того, для некоторых гвардейских полков — кавалергардов и конной гвардии — театр становился и местом несения службы: по давней традиции в императорских театрах во время спектаклей выставлялись парадные караулы из гвардейских кирасир. Статные фигуры могучих усатых молодцов в кирасах, в касках с орлами, в белых колетах и лосинах, стоящие в вестибюлях, в фойе и на лестницах создавали весьма своеобразный антураж.

Солдаты гвардейских полков не только простаивали в театрах в виде безмолвных живых статуй. В 1841 г. в концертном зале дома Энгельгардта на Невском проспекте (ныне Малый зал Филармонии) исполнялся "Реквием" Г. Берлиоза, написанный для огромного по составу оркестра и хора. К исполнению, помимо оркестров петербургских театров и придворной Капеллы, были привлечены музыканты и хоры двух гвардейских полков. По свидетельству Ф. А. Кони произведение Г. Берлиоза "...при всех трудностях было исполнено прекрасно" (10).

Вообще, роль военных музыкантов и военной музыки в повседневной культурной жизни русского города была заметной. Можно считать, что первыми музыкальными впечатлениями горожанина, а уж петербуржца и москвича особенно, были звуки военного оркестра. Естественно, в первую очередь оркестр сопровождал воинские ритуалы. В Петербурге к их числу относились ежегодные парады — Майский на Марсовом поле и Крещенский на Дворцовой набережной. В отличие от светских парадов для партийно-советских чиновников и их домочадцев, петербургские парады проходили при большом стечении публики. К числу публичных воинских ритуалов относились развод гвардейских караулов, парады по поводу полковых и христианских праздников, выход в Красносельский лагерь (в Москве — Ходынский) и возвращение оттуда, наконец, похороны военных, на которые выделялся траурный кортеж в полной парадной форме. Особым событием был приход новобранцев из Михайловского манежа, когда во все концы города двигались колонны с оркестрами и сопровождавшими вновь прибывшее пополнение офицерами и солдатами. Город как бы был в курсе всех событий в жизни армии, а горожане всех возрастов становились и зрителями, и участниками действия в этом своеобразном музыкально-костюмном театре в декорациях городских улиц.

Еще одно явление городской культуры, которому участие военных придавало особый блеск — балы. Описание бала — большого придворного, в губернском дворянском собрании, в Институте благородных девиц, в особняке дворянской семьи — непременно входят в сюжет многих произведений русской литературы. На память приходят толстовские балы в "Войне и мире", бал в Дворянском институте в "Юнкерах" А. И. Куприна, описание балов в мемуарах. Культура бытового танца была достаточно высока и в столицах и в губерниях. Танцам обучали в корпусах, в военных училищах. Офицеры и юнкера, в свою очередь, были желанными гостями на балах. Репутация блестящего танцора зачастую сопутствовала репутации отличного строевика или "отчетливого" кавалериста. Зимние рождественские балы составляли как бы самостоятельный, весьма значимый пласт городской культуры. В их организацию и проведение было вовлечено множество людей — от слуг, музыкантов до извозчиков: снова на память приходит эпизод из купринских "Юнкеров" — поездка через зимнюю Москву на тройках от Знаменки до Марьиной Рощи, от Александровского училища до Дворянского института.

В Петербурге на Витебский и Балтийский вокзалы в дни больших придворных балов подавались специальные “балльные” поезда для офицеров Царскосельского и Петергофского гарнизонов. Балы кстати выполняли и весьма значимую социальную роль — именно на них зачастую происходили знакомства будущих супругов, поскольку иных возможностей для встречи в публичном месте молодые обычно не имели.

Тема “Армия и культура”, естественно, не исчерпывается перечисленными выше явлениями и эпизодами — это лишь пунктирный контур. Однако нам представляется в общем контексте статьи уместным подобное сочетание общего и единичного, поскольку конкретные штрихи и детали порой красноречивее общих рассуждений и самых обоснованных выводов.

Прежде чем говорить о роли армии в конфессиональной жизни города, следует, вероятно, напомнить, что в дореволюционных российских армии и флоте религиозные ритуалы являлись неотъемлемой частью повседневной жизни. День в казарме и на корабле начинался и заканчивался молитвой, храм был обязательной принадлежностью казарменного городка, а священник состоял в штате полка или корабельного экипажа. В автобиографической повести “Юнкера” А. И. Куприн — бывший юнкер московского Александровского училища — описывает ритуал принятия воинской присяги. Присягу принимали четыре священнослужителя — православный священник, ксендз, лютеранский пастор и мулла. Воин, присягавший на верность царю и отечеству, клялся в верности перед лицом Бога, которого представлял священнослужитель, а не приносил, как сейчас, присягу собственному начальнику, который, таким образом, является как бы олицетворением отечества.

В многонациональной Российской империи в воинских ритуалах учитывалось различие в вероисповедании, однако, поскольку господствующее положение принадлежало православию, военные храмы тоже были православными. Исключение составляли военно-учебные заведения. В Пажеском корпусе имелась католическая Мальтийская капелла — св. Иоанна Крестителя, построенная Д. Кваренги. Мальтийские рыцари — члены военно-монашеского ордена, были приглашены в Россию Павлом I и им было доверено воспитание отпрысков высокородных семей российского дворянства. Просторная, богато убранная капелла по размерам существенно превосходила скромную корпусную православную церковь, с трудом вмещавшую воспитанников и офицеров, подавляющее большинство которых были православными. Видимо, во всей русской армии это был единственный случай, когда православные находились в худшем положении, нежели католики. В Павловском военном училище и во II-м Кадетском корпусе имелись немецкие лютеранские церкви (св. Георгия и Христа Спасителя); в корпусе кроме того была еще и католическая часовня. Следует, тем не менее, заметить, что именно в армии формировалось то “казенное православие”, которое постоянно служило объектом критики не только для либералов. В самом деле, общение с Богом — дело сугубо личное и сокровенное — в армии осуществлялось в строю и по команде. Тем не менее, торжественность традиционной православной литургии в дни храмовых и полковых праздников, завершение торжественного молебна парадным прохождением полка постоянно привлекали петербуржцев в армейские храмы. Как правило, в полках имелись и прекрасные солдатские хоры. Храмы отличались богатством убранства, парадной торжественностью и, что немаловажно, солидной вместимостью. Так что, Николо-Морской, Троицко-Измайловский, Преображенский соборы пользовались

большой популярностью у православного населения Петербурга. В гоголевской "Женитьбе", например, герои, в светской беседе обсуждая пасхальную службу, отдают восхищенное предпочтение Николо-Морскому собору.

Армия оказывала иногда воздействие на жизнь иных конфессий, не имевших государственной поддержки. В конце XIX в. старостой еврейской общины был фельдфебель нестроевой команды Кавалергардского полка А. И. Ошанский, полковой печник из кантонистов. Могила этого человека на еврейском кладбище до сих пор цела. А. А. Игнатьев в своих мемуарах описывает похороны своего бывшего однополчанина, картина которых сама по себе впечатляюща. Стоит лишь обратить внимание на один факт — на похоронах старослужащего унтер-офицера присутствовали все шесть бывших командиров полка, под командованием которых служил покойный, и они — шесть полных генералов — по традиции первыми приняли на плечи гроб на пути из полкового манежа к катафалку.

Нас, однако, интересуют некоторые социологические интерпретации этого небезинтересного факта. Известно, что евреям было запрещено пребывание на государственной службе — военная и чиновничья карьера еврею была заказана. Так что фельдфебель — это предельно возможный для еврея чин в армии. Однако, именно его община сочла возможным выбрать на почетный и авторитетный пост старосты. Можно предположить, что по своему социальному статусу фельдфебель Ее императорского величества лейб-гвардии Кавалергардского полка, т. е., человек, находившейся не просто на военной службе в императорской гвардии, пусть в достаточно скромном звании, оказывался существенно выше своих соплеменников и единоверцев, пусть более состоятельных и образованных — врачей, адвокатов, фармацевтов, финансистов. Другое обстоятельство связано уже с социальным составом общины: по переписи 1869 г. в Петербурге жило около 7 тыс. евреев, в их числе 4 тыс. отставных николаевских солдат, которые имели право по выходе в отставку жить в столицах. Таким образом, в конце века, когда А. И. Ошанский занял свой пост — а в полку он прослужил очень долго — часть общины состояла не только из соплеменников и единоверцев, но и близких по духу ветеранов. Таким неожиданным образом пересекалась с армией судьба дискриминированной конфессии.

Тема "армия и религия" требует, безусловно, специальной разработки — для нас было выжно обозначить эту связь и попробовать рассмотреть ее в контексте повседневной жизни города.

Совершенно специфическая роль принадлежала армии в семантизации городского пространства, в наполнении его визуальными и вербальными элементами, образами. По поводу первой — визуальной — составляющей, к сожалению придется пользоваться лишь вербальными средствами, поскольку жанр журнальной статьи не позволяет разнообразить ее иллюстративными примерами. Во всяком случае, даже при беглом взгляде на картины, гравюры, акварели XVIII-XIX вв., отражающие жизнь Петербурга, легко обнаруживается почти обязательная фигура военного — пешего или конного, а то и целая воинская команда. Достаточно вспомнить увражи В. С. Садовникова — развертки-панорамы обеих сторон и цветные акварели — перспективы Невского проспекта: почти на любой из них в качестве стаффажа присутствует офицер или солдат.

Существует исторический анекдот о том, как Николай I знакомился с каким-то архитектурным проектом, что, кстати, император делал достаточно

регулярно, равно как постоянно посещал мастерские скульпторов и живописцев. На перспективе царь обратил внимание на фигуру человека перед фасадом, которая вызвала его неудовольствие своим легкомысленно-партикулярным видом. На разъяснения архитекторов, что человеческая фигура обязательно помещается в подобных случаях для масштаба, император повелел — впредь, коль скоро такая надобность существует, изображать на проектах лиц военного звания в мундирах. Анекдот анекдотом, но изображениями импозантных фигур в красивых парадных мундирах на фоне строгих классических фасадов художники пользовались бы и без высочайшего повеления: очень уж живописны были эти фигуры. Думается, что современному живописцу или графику, даже работающему в сугубо реалистической манере, вряд ли пришла бы в голову идея украшать городской ландшафт тускло-зелеными фигурами нынешних военнослужащих.

Особая роль и место принадлежит армии в топонимике Петербурга. В принципе, в любом бывшем губернском городе найдутся Солдатская, Офицерская или Полковая улицы, в старых городах иногда сохранились Стрелецкие. Такого, однако, обилия улиц с военными названиями, видимо нет нигде, хотя Великая Отечественная война оставила заметный след на планах наших городов. В Петербурге армейская, точнее гвардейская топонимика связана и с названиями полков, с родами войск и с иными реалиями военной жизни. Мы попробуем сопоставить два топонимических ряда — исторический и современный. По счастью, ныне в нашем распоряжении имеется справочник «Почему так названы» (11), в котором указаны как исторические, так и современные названия, данные в советское время. Картина получается следующая: за двухсотлетнюю историю Петербурга до 1917 г. наименования, связанные с армией и флотом, получили 80 улиц, проспектов, площадей, мостов; семь из них названы именами военачальников — А. В. Суворова (площадь, проспект и улица), П. А. Румянцева, Г. А. Потемкина, М. А. Скобелева и героя Порт-Артура Р. И. Кондратенко. В советское время — в основном после войны — количество новых названий превысило 60. Мы выбрали лишь те из них, которые имели четкую отнесенность к армии — например, названия имевшие в своем составе ключевые слова «Генерал...», «Маршал...», и т. п. В случае если наименование не имело отнесенности к воинскому званию или профессии, мы не брали его в расчет. Были приняты и новые названия, если они были адекватны по смыслу: 1-12 Роты Измайловского полка — ныне Красноармейские улицы, Кавалергардская ул. — ул. Красной конницы. Таких совпадающих названий набралось 18. Вместе с ними общее число названий составило 65. Из них — 12 названий магистралей, наименованных в честь маршалов, генералов и адмирала. Справедливости ради следует сказать, что в советское время, в основном путем переименований, на карте города появились имена М. И. Кутузова и адмиралов Ф. Ф. Ушакова, М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, С. О. Макарова.

В царские времена к увековечиванию имен военачальников относились гораздо сдержаннее — всего четыре за двести лет. Если учесть, что историческая топонимика, в основном, сформировалась к середине XIX в., тогда же когда сформировалась военная составляющая социальной топографии города, то подавляющее большинство названий «живет» более 100 лет. В послевоенные годы военная тема была довольно быстро исчерпана — она коснулась в основном южных окраин города, где проходил рубеж обороны. Новые магистрали стали получать безлико-помпезные названия Новаторов, Наставников,

или же имена реабилитированных или забытых деятелей партии. К сожалению, кампания массовых наименований как бы обезличила заслуги людей — если фамилии не предпослано определение “танкист” или “подводник”, остается догадываться, что за человек скрывается за названием улицы — Герой Советского Союза, знаменитый инженер-изобретатель или партийный деятель.

Вышеприведенные рассуждения по поводу топонимики наталкивают и на некоторые выводы общего характера. Армия всегда составляла часть жизни российского города и никогда не уходила из него, даже если воинские части перебазировались в пригородные военные городки за заборами. В Москве и Петербурге на смену линейным воинским частям пришли военно-учебные заведения. В Петербурге и пригородах их ныне насчитывается 25: пять академий, восемнадцать училищ и институтов, Суворовское и Нахимовское училища. Разница лишь в том, что если в военной академии царских времен обучалось 100-200 слушателей, а в юнкерском училище 300-400 (четыре роты или эскадрона), то ныне их число существенно больше — насколько или во сколько раз остается только догадываться: сроки обучения ныне ведь не два года, а пять — поэтому, скажем, трех-пятикратное увеличение числа слушателей и курсантов вполне вероятно. Правда в городе почти не осталось солдат, но тем не менее около 3% военнослужащих, фиксируемых в социологических выборках, тоже достаточно значимая доля населения.

Прямой и однозначный вывод — “вот откуда есть-пошла милитаристская составляющая имперского сознания” из всего вышесказанного вовсе не вытекает так однозначно. Более того, связи армии и города до революции и ныне имеют качественное различие. Армия до революции была, с одной стороны, институтом замкнутым, кастовым, но с другой — публичным, легко обозреваемым, логично и просто входящим в жизнь города. Недаром говорили в России: “Ничто так не оживляет жизнь в городе, как приход армейского полка” — гусарского, пехотного или артиллерийского безразлично. Вспомним чеховских “Трех сестер” — в последнем действии уходит из города полк и жизнь обрывается, замирает. Упрятанная за саженные бетонные заборы и за железную завесу секретности жизнь современной армии для большинства людей тайна за семью печатями.

И не следует полагать, что автор решил пролить ностальгические слезы по поводу безвозвратно ушедшей гусарско-гренадерской романтики. Задача наша была прагматична. Во-первых, нам представляется небезинтересным такой вот опыт совмещения различных дисциплинарных подходов, в которых элементы социологического и историко-культурологического анализа опираются на нетрадиционную информационную базу: мемуары и классическую историко-краеведческую литературу.

Во-вторых, в современных условиях, когда в политике и экономике происходят бурные и динамичные разнонаправленные процессы и значительная часть научных сил отвлечена на их изучение и анализ, кто-то должен попытаться найти исторические-устойчивые, сохраняющиеся вовремя линии развития и постараться понять и объяснить, чем вызвана подобная устойчивость и о чем она свидетельствует.

В-третьих, элементарная профессиональная рефлексия дает основание полагать, что нынешняя социология, утратив свой традиционный объект — трудовой коллектив, изучению которого было посвящено столько усилий — ныне постепенно обращается к двум неизменным сущностям — времени и

пространству. Метафора сия требует дешифровки: под временем мы подразумеваем историческое время. До сих пор историческая социология на нашей почве не давала плодов, достойных российской истории. Пространство же понимается нами как территория — город, село, регион: до сих пор удельный вес территориальных общностей в структуре социологических интересов был сравнительно невелик, хотя, безусловно, в этой области сложилась определенная тенденция и сумели вырасти даже научные школы. Просто ныне в эту область, похоже, будут перемещаться новые и новые люди.

В-четвертых, настоящий текст имеет еще один неявный подтекст — конвексионный. Армия располагает пока что невостребованным культурным ресурсом. 25 петербургских армейских и флотских ВУЗов и училищ — явно много в условиях сокращения армии. Безусловно, какое-то количество из них будет использоваться по назначению. Остальные — это требующая минимальных вложений на реорганизацию материальная база нескольких университетов или — кому нравится — колледжей и лицеев.

Есть еще один возможный потенциал, но о нем можно говорить, поистине, с ностальгической слезой. Поскольку пророков в отечестве своем нет — обратимся к зарубежным. Два года назад, сменив М. Тэтчер на посту премьер-министра, Дж. Мэйджор обнародовал свою программу сокращения британской королевской гвардии наполовину. Ныне в ее составе два кавалерийских и шесть пехотных полков. Генерал, командующий гвардией, справедливо заметил по этому поводу, что гвардия вполне окупает свое существование за счет той валюты, которую оставляют туристы, прибывающие, в том числе, ради того, чтобы полюбоваться на красочные воинские ритуалы, демонстрируемые королевскими гвардейцами. Выйдут ли воинские ритуалы за стены военных городков, возобновятся ли парады, как демонстрация воинской выучки — “парадных марсовых полей однообразная красивость”, а не способ запугивания, вернутся ли на улицы, и в сады и парки “военной музыки оркестры”, ныне достигшие высочайшего уровня мастерства — покажет время.

Ясно одно: будучи отдалена от повседневной общественной жизни, армия вряд ли в состоянии вернуть себе роль необходимой части общества, а не стоящей над ним “силовой” структуры.

Р. С. Автор предлагает рассматривать данную статью как макет-заявку возможной книги. Однако, в нынешних условиях такое издание нуждается в серьезной поддержке, тем более, что коммерческий его успех возможен, но проблематичен. Так что автор ищет не просто спонсора-благодетеля, а единомышленника, способного поддержать идею. Жду предложений на адрес редакции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Голлербах Э. Город муз. Л., 1927. С. 69.
2. Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 39.
3. Здесь и далее адреса приведены по дореволюционным наименованиям.
4. Здесь и далее сведения приводятся по справочнику “Храмы Петербурга”. СПб., 1992.
5. Игнатъев А. А. 50 лет в строю. М., 1950; Трубецкой В. С. Записки кирасира // Наше наследие. 1991. № 2—4.

6. О значении Жалованной грамоты городам и деятельности Комиссии о каменном строении в развитии российских городов см.: Каменский А. Б. "Под сению Екатерины..." СПб., 1992. С. 313-316 № 355-361.
7. См.: Засов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890-1910 гг. Л., 1991. С. 168-169.
8. Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991.
9. Так начинается "Пиковая дама" А. С. Пушкина.
10. Гозенпуд А. А. Дом Энгельгардта. СПб., 1992. С. 228-229.
11. Горбичевич К. С., Хаблю Е. П. Почему так названы. Л., 1985.